

Часы отдыха учителя Коржика. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Часы отдыха учителя Коржика. Максим Горький

Когда старые стенные часы в комнате учителя Антона Петровича Коржика с хрипом и шипением пробьют десять вечера, он медленно встаёт из-за своего стола, потягивается и с улыбкой удовольствия и презрения, окинув взглядом груды ученических тетрадок, исправленных им, берёт в руку лампу и идёт с ней в угол комнаты.

Там он ставит лампу на другой стол, открывает замаскированный обоями маленький шкаф в стене, достаёт из него четвертную бутылку водки, тарелку с ломтиками чёрного хлеба, всё это тоже ставит на стол и, тщательно затворив дверцы шкафа, садится в большое кресло, против стола, боком к окну, в которое, сквозь голубоватые узоры мороза, смотрит в комнату лунная зимняя ночь.

На столе, кроме водки, закуски и лампы, стоят три рамки: одна из чёрного плюша, и в ней портрет пожилой дородной женщины с широким лицом и раздвоенным подбородком – доброе и мягкое лицо матери; из другой, бронзовой рамки смотрит на учителя улыбающееся лицо девушки, в короне тёмных волнистых волос, с миндалевидными глазами и пухлой задорно приподнятой верхней губкой; в третьей рамке – гравюра, изображающая человека в тоге римлянина; у него круглая, гладко стриженная голова, острое лицо и маленькие глазки, глубоко ушедшие в орбиты. Хотя это лицо и выбрито, как лицо актёра, но оно слишком глубокомысленно для человека этой профессии...

Учитель Коржик сидит несколько секунд неподвижно и смотрит на эти портреты неопределённым, но сосредоточенным взглядом человека, которому трудно уловить свою мысль.

Потом он наливает рюмку водки, медленным жестом подносит её ко рту, выпивает и на секунду зашуривает глаза, откидывая голову на спинку кресла и как бы смакуя ощущение жгучей влаги, стекающей по пищеводу...

Вслед за этой рюмкой он наливает другую, а за ней третью и уже после этой берёт с тарелки маленький кусочек хлеба и медленно жуёт его, прищуривая глаза и всё рассматривая портреты на столе.

И лицо его, незадолго перед тем сухое и угрюмое, лицо сорокалетнего чиновника-холостяка, жёлтое, в усах и маленькой эспаньолке, с тонкими плотно сжатыми губами, концы которых характерно опущены книзу, – его лицо вспыхивает красными пятнами, глаза, обыкновенно нелюдимо сощуренные и тусклые, расширяются и приобретают тот внутренний блеск, который так облагораживает физиономию, придавая им выражение жизни и мысли...

– Начинаю, мама... – вполголоса, почти шёпотом говорит учитель, облакачиваясь одной рукой на стол, а другой наливая ещё рюмку.

И при этом он улыбается улыбкой, несколько виноватой и очень печальной, улыбкой фаталиста, видящего роковые последствия своего деяния, но не считающего возможным не совершать его...

До четвёртой рюмки порядок отдыха учителя Коржика установился раз навсегда, – он всегда таков, до последнего жеста таков; но с этого момента учитель варьирует своё время всеми доступными ему способами...

Иногда он обращается с речью к Аннею Сенеке, – ибо римлянин с маленькими глазами это он, знаменитый стоик, – и вполголоса начинает хвалебную речь философу, придерживаясь стиля «писем к Люцилию»:

– Ты хорошо сказал, Сенека, что «всякий путь имеет свой конец», и ещё больше мудрости в твоих словах – «как басня, так и жизнь ценятся не за длину, но за содержание». Ты умел учить терпению, и ты был мудр и прозорлив, но всё-таки ты в твоё время не мог бы представить себе, что через восемнадцать веков после смерти твоей люди дойдут до искусства жить без какого-либо содержания и будут более равнодушны к жизни, чем ты хотел этого, поучая терпеть. Потому что, хотя ты и говорил Люцилию: «ошибаются, о Люцилий, те, которые думают, будто судьба

Часы отдыха учителя Коржика. Максим Горький gorkiyamaxim.ru посылает нам благо и зло», – но ты в то же время утверждал, что «душа наша сильнее судьбы». Ныне же люди равнодушны ко благу и злу и силы в душе своей не имеют, подчиняясь первым ударам судьбы и покоряясь ей в рабство без борьбы, без стыда за себя... Таков, о Сенека, я, и таковых много...

Среди речи учитель делает паузы, наливает водку и пьёт, с каждой рюмкой всё более краснея.

Жесты его становятся порывистее, но они ещё тверды: он аккуратно до краёв наливает рюмки, и рука его не дрожит, когда он подносит их ко рту. Иногда, выпив рюмку, он шёпотом, в котором уже слышится пьяная хрипота, говорит:

– Пью, мама...

И, виновато улыбаясь, кивает головой портрету дородной женщины.

Потом он смотрит в окно...

Окно выходит в сад, и он видит там неподвижные, тёмные стволы лип и клёнов, ветви вишен и сирени, опушённые инеем, голубовато-серебристый снег; всё это неподвижно, и всё это молчит...

Когда же за окном воет вьюга, стволы деревьев и ветви кустарников то и дело скрываются за тучами снега, мягко ударяющего в стекла окна; скроются и появятся снова, появятся только на мгновение и снова исчезнут в мутных облаках снега. Кажется, что они не стоят, а мечутся по саду в ужасе. И вьюга так грустно поёт... А иногда она поёт зло и смеётся, обрывая свою песню.

Учитель смотрит на всё это, потом отворотится от окна, выпьет рюмку и снова смотрит. И снова пьёт.

В лунные тихие ночи он любит сидеть без огня. Когда он погасит лампу, – на момент вся комната точно вздрогнет и сразу наполнится тьмой... Но уже в следующий момент в окно льётся волна лунного сияния, она падает на стол, через него на пол и дальше, на широкий диван... На полосе этого света чуть намечены узорные тени от веток клёнов – там, в саду, под окном.

Учитель смотрит на них долго и пристально, как бы желая догадаться, зачем они тут, эти вечные тени, и что они говорят своими узорами. А когда в саду деревья колебает ветер, тени в комнате – на столе, на полу, на диване – движутся...

Антон Петрович вздыхает и крепко трёт лоб.

– Извини, мама... Ещё выпью.

И выпивает ещё... Часы уже давно пробили одиннадцать, и вот снова хрипят, задыхаются и отсчитывают двенадцать медленных и громких ударов, после чего где-то внутри их долго ещё звучит пружина унылым эхом истекших суток...

– «Жизнь идёт неустанной стопой, предавая забвенью былое, разрушая и снова творя...» – декламирует учитель в такт ударам часов... и протягивает руку к бутылке.

Но уже рука его неверна, и он не сразу наливает рюмку. Стекло задевает за одну из рамок, и грустный звук раздаётся в комнате...

– Извините, Женя... Это я, кажется, вас задел? – ещё внятно шепчет учитель, склоняясь к столу, и, облачиваясь на него, улыбается портрету девушки, улыбается улыбкой доброй и как бы просящей прощения. – Какая вы славная девушка... И как щадит вас время... оставляя вас жить в моей памяти так долго. Уже двенадцать лет... Я всё прекрасно помню... Вы мне понравились сразу, и сразу же вы увидели это. Вам было приятно моё поклонение... Я понимаю.

Да... Вы – умница, держали меня на большом расстоянии от себя и... Я выпью, мама... Прости...

– ...И вы уехали, исчезли, пропали... Я не успел вам в эти два месяца ничего сказать...

Часы отдыха учителя Коржика. Максим Горький gorkiyamaxim.ru
Но я много думал о вас... Вы исчезли... да... осталась ваша карточка и я... Это хорошо...

Было бы хуже, наверное, если б вы стали моей женой... К жене не сохраняют того уважения, которое имеют к возлюбленной... Вот вас нет... где вы?.. А я живу и помню вас такой, какой встретил. Вы, наверное, позабыли обо мне и...

– ...Я ещё выпью... мама! Твой сын спивается... Ничего... Он это понимает... он ещё не совсем... Ты не беспокойся, мама, он не уронит себя ниже, чем уж есть... Достаточно!..

– ...Быть может, вы, Женя, даже вовсе и не тот человек, каким я вас знаю... Наверное, так... Вы, конечно, и злы, и неряшливы, и злоязычны, и пошлы, и мелки... как все женщины...

Но я не успел увидеть в вас ничего этого... и до сей поры... двенадцать лет... считаю вас совершенством среди женщин... Уважаю вас и берегу воспоминание о вас в себе... храню его как единственную порядочную вещь, данную мне когда-то жизнью... Я не жаден... И не хочу ничего...

Впрочем – выпью.

– ...Страшно пью, мама, это так... Я знаю – мерзко пью, по-свински напиваюсь, потом сплю, потом просыпаюсь... потом...

Тут Антон Петрович откидывается на спинку кресла и хмурит лоб, делая страшные глаза.

– Большая подлость. Я иду учить «малых сих»... Малые сии – большущие болваны, феноменально тупоголовые... И зачем их учат так рано? Они решительно не в состоянии понимать, что учиться необходимо... для того, чтобы быть чем-нибудь... и что знать полезно... а познавать – наслаждение... как говорил Сенека... Чёрт с ними, – я их ненавижу... Они, наверное, как и я, вот... то есть большинство их... это несомненно!.. У них к этому все задатки... В сущности, они заслуживают сожаления... да! Они не только не знают... не хотят знать жизни через других... свой опыт! Он стоит дорого и... чем они будут платить за него, бедняги?.. Мне их жалко, этих мальчишек...

– ...Но... я уже достаточно пьян. Мама, я знаю, что это очень мерзко... но ведь мне сорок шесть лет, и нет никого на свете, кто бы нуждался во мне! А, мама? Ни души! Я не нужен никому! Никому! И мне, пожалуй, уже никого не надо. Потому что я... гм? Что я? Женя? Я?..

Пьяница... но ещё что?.. Ещё... Я скоро кончу мой путь... Достаточно?.. Что такое?

Учитель оглядывается вокруг себя, – ему кажется, что кто-то перебил его пьяное бормотанье тяжёлым вздохом... В комнате полутьма и тишина. Взвизгивая, маятник часов отсчитывает секунды. Одинокий человек уже сильно пьян.

Он крепко трёт лоб одной рукой, а другой, упираясь в ручку кресла, пробует подняться и не может.

– Напился, мама... как скот!

И он печально опускает голову на грудь...

– Ты говорил, Сенека, – пусть даже жизнь великое и несомненное благо... – н-но я не куплю его... за сознание собственной гнусной слабости... Ты не купил... ты благородно умер. А я покупаю... и зачем мне н-нужна жизнь? Зачем? Мне и сотням тысяч подобных?.. Ты сказал:

«Жизнь плохо сторожит нас...» Да, но мы довольно... ловко избегаем смерти... Кто это говорит?

И он снова оглядывается вокруг расширенными и налитыми кровью глазами. Никого нет.

– Н-да... Никто не говорит... а между тем я слышал голос... Я знаю, что это... Я понимаю... хотя я и пьян... Зачем я пью... зачем? Мама, зачем?.. Ведь так я погибаю,

мам...

Пьяное бормотанье обрывается плачущей нотой, чем-то вроде визга. И учитель, наклонив голову на грудь и упираясь руками о ручки кресла, тихо плачет сам о себе, ибо чувствует страшную жалость к себе, постепенно погибающему человеку, и жалость эта тем более горька и тяжела, что во всём мире есть только один человек, которому действительно и искренно жалко его. И как он ни пьян, как ни больно ему, всё-таки в нём живо некоторое чувство, и оно сквозь слёзы заставляет его говорить такие речи:

– Разве это я сам? Разве я погиб бы... если бы... кто-нибудь... хоть однажды... Только ты, мама... умела, бывало... обласкать твоего сына... только ты, дорогая моя... Голубушка!

И при воспоминании о матери слёзы ещё сильнее льются из его пьяных воспалённых глаз.

А в комнате темно и тихо, потому что луна уже высоко и лучи её больше не смотрят в окно.

Глаза учителя устремлены на стол; на бутылке с водкой виднеется тусклое пятно, точно чей-то большой глаз с бельмом...

– Спать...

Он пробует подняться на ноги, долго возится и не может встать.

– Вот как напился! – громко говорит он, и голова его понуро опускается на грудь...

Каждый человек есть вселенная... под каждым надгробным камнем погребена целая всемирная история... Парадокс работы романтика Гейне... Почему все знаменитые евреи – идеалисты и романтики?... Да... что такое?..

– ...Могила... и в ней я... всемирная история... Это смешно... Я пьяница... а вселенная – чёрт знает, что такое... но я в ней один...

Лицо у него то и дело перекашивается от тех усилий, с которыми он говорит, борясь с рыданиями, подступающими к горлу. И его щёки мокры от слёз... Концы усов опущены книзу, галстук съехал на сторону, и расстегнувшаяся рубашка обнажает неровно дышащую грудь...

Бывают моменты, когда в комнате слышны только визги и удары маятника да хриплое дыхание пьяного.

Но они кратки, потому что учитель всё хочет сказать что-то и всё бормочет свои бессвязные речи.

Он просит прощения у мамы и жалуется ей на жизнь и оправдывает пред нею себя...

Потом обращается к жене с почтительной речью не без нотки горького скептицизма и говорит со стойком Сенекой тоном уважения о понимании жизни...

И вдруг начинает хохотать диким и пьяным смехом. Он никого не разбудит своими речами: к нему уже привыкла его квартирная хозяйка, а кроме неё, никто не может услышать его.

И часто, не имея сил добраться до своей постели, он так и засыпает в кресле вплоть до утра...

Впервые напечатано в «Самарской газете», 1896, номер 62, 17 марта.

В собрания сочинений не включалось.

Печатается по тексту «Самарской газеты».

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке <http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Часы отдыха учителя Коржика. Максим Горький gorkiyutahim.ru
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши [buckshee](http://buckshee.ru/). Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!